

Питер Акرويد
Кентерберийские рассказы.
Переложение поэмы Джеффри Чосера

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8486896

Кентерберийские рассказы. Переложение поэмы Джеффри Чосера : АСТ: CORPUS; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-085153-9

Аннотация

«Я не верю, что прошлое непременно находится в прошлом. Оно вечно, оно всегда вокруг нас», – так говорит Питер Акرويد. И доказывает это всему миру своим переводом со староанглийского на современный язык одной из величайших поэм Джеффри Чосера (1343–1400). «Кентерберийские рассказы» – это мозаика из удивительных историй: религиозных, бытовых, романтических, поведенных средневековыми паломниками по пути из Лондона в Кентербери, людьми разных возрастов, социального положения и темперамента, и голос каждого из них сохраняет яркость и свежесть просторечного стиля. Произведение Чосера и прославились, скорее всего, своим соленым юмором, да и многие его сюжеты легко узнаваемы (вспомним, например, «Сказку о царе Салтане»). А теперь мы можем наслаждаться чосеровскими «Кентерберийскими рассказами» в переложении Питера Акроида.

Содержание

Введение	4
Замечания к тексту	11
Кентерберийские рассказы	14
Общий пролог	14
Рассказ Рыцаря	28
Часть первая	28
Часть вторая	34
Часть третья	40
Часть четвертая	47
Пролог и рассказ Мельника	55
Пролог Мельника	55
Рассказ Мельника	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Питер Акرويد

Кентерберийские рассказы.

Переложение поэмы Джеффри Чосера

Введение

Джеффри Чосер, автор «Кентерберийских рассказов», был типичным лондонцем XIV века. И точно так же, как его оригинальные истории служат зеркалом средневекового общества, так и жизнь самого Чосера отражает многообразие движущих сил его эпохи. Так, он был заметной фигурой при королевском дворе – он служил, по крайней мере, трем королям и двум принцам. На таможене, в Лондонском порту, собирал налоги. Был дипломатом и чиновником, надзиравшим за строительными работами для нужд короля. Недолгое время прослужил солдатом. Однажды его назначили судьей и членом парламента. А в промежутках между разнообразными служебными обязанностями он умудрялся сочинять стихи, которые стали самым законченным и мощным выражением духа средневековой Англии.

Разумеется, Чосер знаменит прежде всего «Кентерберийскими рассказами» – поэмой, над которой он работал до конца своей кипучей творческой жизни.

В ранние годы он писал притчи, легенды и сказки в стихах; а несколько позже сочинил поэму «Троил и Хризеида» – ее справедливо считают первым английским романом нового времени. До него еще ни один писатель не был так многолик и так сложен. Характер Чосера и его творчество трудно поддается определению. В стихах он демонстрирует робость и сдержанность, но ведь таможенник не может быть робким. Ему нравилось представлять себя ученым затворником, однако на него подавали в суд за долги и обвиняли в изнасиловании. Он прославился скабрёзными сюжетами и непристойными шутками, но при этом сохранял глубоко религиозное видение мира.

Чосер родился в Лондоне между 1341 и 1343 годами, в богатой купеческой семье. Его отец, Джон Чосер, был преуспевающим виноторговцем; их дом и торговый склад находились у реки, на Темз-стрит, а в нескольких ярдах от него была верфь Трех кранов, где выгружали гасконские вина. Всю жизнь Чосер прожил вблизи реки и слышал ее звуки. Его детство и юность проходили в шумном, людном и деловом мире, и этот энергичный городской дух дает о себе знать во всех его сочинениях. Среди зачастую величественных и искусных стихотворных строк у него то и дело проскакивают разговорные словечки и выражения лондонских улиц: «Да ну тебя совсем!.. а ну-ка поглядим... давай кончай эту канитель... что ты там сказал... а ну посторонись... дурень ты, дурень!»

Хотя Чосера главным образом воспитала улица, поэт получил серьезное образование. Возможно, у мальчика был домашний учитель, а кроме того, он мог посещать благотворительную школу Святого Павла, что в сотне ярдов от его дома. Своим знанием латыни и латинских авторов, вроде Овидия и Вергилия, он обязан основательной подготовке по предмету, который тогда назывался «грамматикой». Чосер знал еще и французский с итальянским, правда, и тем и другим он вполне мог овладеть в житейской обстановке. В четырнадцать – пятнадцать лет его отправили к королевскому двору.

При короле Эдуарде III отец Джеффри был назначен помощником дворецкого, и, разумеется, свои честолюбивые планы в отношении сына он блестяще осуществил не без помощи влиятельных персон мира сего. В 1357 году Чосер поступил в пажи к невестке короля Эдуарда – принцессе Елизавете; так началась его карьера на королевской службе, а завершилась она с его смертью. При дворе он обучился искусству переписки и красноречию.

А его знание риторики, в особенности, служит нам ключом к пониманию «Кентерберийских рассказов». Будучи слугой короля, Чосер отправился на войну, однако вблизи Реймса попал в плен к французам, но спустя четыре месяца его выкупили за 16 фунтов. С тех пор он больше не воевал, и, по правде говоря, у него не было особой склонности к военному делу. Он предпочитал мирные занятия. В двадцать с небольшим Чосер поступил на королевскую дипломатическую службу, и его не раз отправляли с миссией к правителям Европы. Но дипломат был еще и поэтом. По его собственным словам, он сочинил «множество песен и игривых лэ». Иными словами, он сделался придворным поэтом и развлекал дам и вельмож изящным исполнением стихотворных ламентаций и рондо, баллад и посвящений. Предполагают, что эти ранние сочинения пользовались успехом. Его современник Джон Гауэр рассказывал, будто Чосер наводнил всю страну своими стишками и песенками.

После смерти отца Чосер унаследовал изрядную часть имущества и вскоре женился на Филиппе де Роэ, фрейлине из свиты королевы. Это был придворный брак, о котором практически ничего не известно. Чосер всегда умалчивал о своей частной жизни: предпочитая держаться в тени, он порой казался невидимкой. Нам известно лишь имя его жены и ее положение в обществе. В последние годы они месяцами жили порознь, но, похоже, ни одного из супругов это не огорчало.

Его связи с двором все больше укреплялись. Он вошел в свиту Джона Гонта, одного из сыновей короля Эдуарда, и получал ежегодные вознаграждения за оказываемые услуги. В число этих услуг входило и сочинение стихов для нового покровителя. Когда умерла жена Джона Гонта, Чосер написал «Книгу Герцогини» – поэму-фантазию в память о ее добродетелях. По-видимому, это сочинение предназначалось для устного исполнения, и, возможно, Чосер декламировал его во время панихиды, состоявшейся в соборе Святого Павла.

Важно отметить, что эта поэма написана по-английски. Королевский двор в Вестминстере в ту пору еще оставался французским, и говорили там преимущественно по-французски, однако стихи Чосера – наилучшее доказательство того, что статус английского языка быстро повышался. Чосер стал мастером, который избавил английский от прежнего униженного положения просторечного языка покоренного народа.

И не случайно, что при жизни поэта английский вытеснил французский язык из сферы школьного обучения, а в царствование следующего монарха стал даже языком королевского двора. Все эти обстоятельства, словно сговорившись, сделали Чосера самым представительным и самым авторитетным поэтом своего времени. Одна из характерных черт гения заключается в том, что он олицетворяет мировоззрение людей своей эпохи.

И все же гений Чосера произрастал не только на родной почве. Будучи королевским посланником, он не раз оказывался по делам службы в Италии, где участвовал в торговых переговорах с Генуей и Флоренцией. И там его интересовала не только торговля. Так, во Флоренции он прежде всего получил возможность окунуться в культурную жизнь города. Он познакомился с манускриптами литературных произведений. Флоренция, которая была поистине кормилицей и матерью тогдашней итальянской поэзии, в значительной степени повлияла на творчество Чосера. Он читал в подлиннике Данте, Боккаччо и Петрарку. Данте, как известно, прославился «Божественной комедией», но был у него и трактат *De vulgari eloquentia* («О народном красноречии»), где он превозносил достоинства родного языка. И этот урок не прошел даром для английского поэта.

В ту пору, когда Чосер посещал Флоренцию, Петрарка жил в ста милях от нее – в Падуе. Однако его влияние ощущалось повсюду: он был мастером красноречия, олицетворением великолепия, он был человеком, который поднял материальный и духовный статус поэта. Его пример мог бы навести Чосера на мысль, что поэзия – это не просто приятное занятие на службе у какого-нибудь вельможи, не развлечение, а жизненное призвание. Если бы не ошеломительный успех этих двух итальянских писателей, то весьма мала вероятность, что

Чосер вообще бы поддавался такому соблазну, как сочинение «Кентерберийских рассказов». Важен здесь был и пример Боккаччо, который создавал произведения самых разных жанров – романтические, мифологические и исторические – и прибегал к самым разным стилям. Сами «Кентерберийские рассказы» во многом навеяны его «Декамероном» – оба сочинения являются перипатетическими шедеврами эпического масштаба.

Итак, Чосер возвратился в Англию, имея уже более ясные и возросшие поэтические амбиции. И почти немедленно принялся работать над «Храмом Славы» – еще одной поэмой-фантазией, очевидно, пародировавшей «возвышенный» стиль Петрарки. Чтобы передать картину мира, непрочного и далеко не идеального, Чосер использовал свои излюбленные авторские приемы – остроумие и острословие. Ничто не вечно под луной. Потому-то и не следует отрываться от приземленных жизненных дел. 8 июня 1374 года Чосера назначили таможенным инспектором по шерсти в одном из самых важных ведомств в Лондонском порту. Это была тяжелая и неприятная работа. Он должен был осматривать и взвешивать товар, пересчитывать мешки с шерстью, улаживать споры между купцами. Ему также приходилось взимать пошлину, к которой, по средневековым обычаям, присовокуплялись взятки и различные «льготы». В «Храме Славы», законченном уже после вступления в должность таможенного инспектора, Чосер так описывал свою трудовую жизнь:

Лишь только, подведя итог,
Ты свой дневной закончишь труд,
Не развлечения зовут
Тогда тебя и не покой, —
Нет, возвратись к себе домой,
Глух ко всему, садишься ты
Читать до полуслепоты
Другую книгу при свечах...¹

Нам даже известно местонахождение этого «дома», где поэт предавался таким усердным занятиям. Он жил над Олдгейтом – западными городскими воротами, и с высоты своего жилища ему хорошо был виден лондонский людской поток – бесконечно снующие повозки, телеги, выючные лошади и пешеходы. До него, конечно, долетал гул голосов, звучавших под воротами; сверху он мог в подробностях рассмотреть наряды проходящих и проезжающих. Наверняка была ему знакома и фигура одинокого путника. Живя в доме над Олдгейтом, Чосер, наверное, переосмыслил свое представление о жизни человека как о бесконечном странствии. Отправляясь на службу, в Лондонский порт, он неизбежно шел самыми оживленными, самыми шумными улицами города. И это великое стечение народа послужило предвестником «Кентерберийских рассказов».

Двадцать первого июня 1377 года Эдуарду III наследовал одиннадцатилетний мальчик, коронованный как Ричард II. Такая перемена несколько не затронула карьеру Чосера. В придворной свите нового короля-ребенка было немало друзей и знакомых поэта, и в течение нескольких лет его не раз отправляли за границу с различными посольскими делегациями. Почетное положение, возможно, даже выручило его однажды. Так, 1 мая 1380 года Сесилия Шампейн сняла с него обвинения «*De raptu meo*» («О моем изнасиловании»). Хотя ранее она обвиняла его в совершении насилия, ее убедили уладить дело без суда. Трое из свидетелей по этому делу были влиятельными придворными короля. А четвертый – лорд-мэром Лондона. Само существование такого документа ясно доказывает, что Чосер отнюдь не был сторонним наблюдателем событий. Он находился в самой гуще придворных и администра-

---

¹ Перевод И. Кашкина. (Здесь и далее – прим. перев.)

тивных дел. О самом «изнасиловании» никаких свидетельств того времени не сохранилось. Следует лишь подчеркнуть, что пути средневековых законов были зачастую неисповедимы, а потому ни одно заявление нельзя принимать за чистую монету. Дальше – тишина.

К тому времени Чосер уже достиг видного положения и как поэт, и как слуга короны. Он написал еще одну поэму-фантазию – «Птичий парламент», где воплотилась сущность придворной поэзии. Насыщенная обстоятельными и реалистичными подробностями, она полна эмоциональной символики, богата портретными характеристиками (в произведениях Чосера птицы едва ли не человечнее самих людей) и изобилует классической ученостью. Но тут Чосер выходит за придворные рамки: в этой поэме он обращается к горожанам, и прежде всего – к лондонским купцам. Ведь эти богатые бюргеры уже составляли новое, вполне образованное сословие.

Желая, по сути, обрести более широкий круг читателей, он приступил к сочинению поэмы, которой предстояло переоценить и расширить границы английской поэзии. «Троил и Хризеида» – это одновременно и роман нравов, и пантомима, и погребальный плач, и философское исследование, и фарсовая комедия, и скорбная элегия о жестоком коварстве рока. В этой поэме соединилось многое; ее можно назвать первым современным литературным произведением на английском языке. Она разнородна и многолика и во всех отношениях является достойной предтечей «Кентерберийских рассказов». Отчасти опираясь на поэму Боккаччо «Филострато», она повествует о неверности Хризеиды Троилу во время Троянской войны. Однако Чосер превращает любовный роман в человеческую драму, в искусную и замысловатую повесть о любви и ревности, декорациями для которой служит вечность. В то же время это сочинение свидетельствует о том, что его автор – проникательный, деловой и практичный человек, для которого внешняя «оболочка» вещей – не помеха; Чосер смеется над притворщиками и лицемерами, над ложной ученостью и ложными чувствами и конечно же на протяжении всей поэмы с нескрываемым удовольствием упражняется в грубом юморе и косвенных намеках. Выдуманный им персонаж Пандар – посредник между любовниками – одно из величайших порождений средневекового воображения.

Заканчивая «Троила и Хризеиду», Чосер одновременно начал работать над миниатюрным эпосом, избрав в качестве сюжета историю о двух рыцарях, Паламоне и Архите, соперничавших за любовь Эмилии. «Рассказ Рыцаря» и стал первым из «Кентерберийских рассказов». Чосер уже покинул прежнее жилье в Олдгейте и должность таможенника и переселился в Кент. Там он получил место мирового судьи, а спустя год стал одним из членов парламента от этого графства, а также управляющим двух королевских дворцов в Кенте – Элтема и Шина. По всей вероятности, сочиняя «Кентерберийские рассказы», он жил в Гринвиче или в соседнем городке Дептфорде. Оба города, кстати, упомянуты в самой поэме:

*Lo Depford, and it is half-wey pryne!
Lo Greenwych, ther many a shrewe is inne!
It were al tyme thy tale to bigynne.*

Мы уже в Дептфорде, и уже половина восьмого утра.
Вскоре мы будем в Гринвиче – этом рассаднике негодяев.
Ну что? Пора, начинайте рассказ.

Имел ли он в виду какого-то конкретного «негодяя»?

Итак, теперь, когда он удалился из Лондона и освободился от своих обременительных обязанностей, у него появилось больше времени и свободы для размышлений о задуманной им новой большой поэме. Уже были написаны «Рассказ Рыцаря» и «Рассказ Второй Монахини», но, вероятно, с самого начала у него в голове зародился замысел огромного и

свободного эпоса, который мог бы вобрать в себя самый разнообразный материал. В действительности, эта поэма так никогда и не была завершена; она существует в виде целого ряда разрозненных рукописей и рукописей, собранных в группы, – их в позднейшие времена издатели компилировали в более или менее произвольном порядке. Некоторые рассказы связаны между собой, однако этого недостаточно, чтобы говорить о существовании единого целого. Возможно, Чосер именно к этому и стремился. Он работал над поэмой всю оставшуюся жизнь и, наверное, полагал, что это занятие выглядит столь же утопичным и непредсказуемым, как и сама жизнь. По-видимому, он работал над несколькими историями одновременно и кое-какие из них оставлял незаконченными. Он перedelывал прологи и эпилоги, дополнял новыми мыслями; иногда убирал строки из одного рассказа и переносил их в другой. Некоторые истории вполне соответствуют личности рассказчика, но не все. Например, есть мнение, что «Рассказ Шкипера» изначально был вложен в уста женщины. Это была масштабная, непрерывно развивавшаяся поэма.

Поэтому некоторые персонажи, если Чосер начинал сознавать их важность, со временем обретали более яркие черты. Так, Батская Ткачиха впоследствии сделалась гораздо более полнокровной героиней. Ее пролог стал самым длинным в поэме, а позже поэт добавил туда и новые строки. Он вставил упоминания о ней в «Рассказ Студента» и в «Рассказ Купца», как бы заново подтверждая ее личность. Персонажи вроде нее обладают такой натуралистичной непосредственностью, что даже трудно сказать, где заканчивается жизнь и начинается искусство. Чосер вводит в действие поэмы и «реальных» лиц. Знаменитый Трактирщик списан с реально существовавшего Гарри Бейли – владельца харчевни в Саутуорке; Повар – как персонаж – восходит к знаменитому в ту пору повару Роджеру Уэрскому по прозвищу «Уэрский Кабан». И, разумеется, сам Джеффри Чосер выведен как озадаченный и педантичный созерцатель человеческой жизни – толстоватый и туповатый. Здесь в известной мере сказалась изобретательная ирония и скрытность Чосера; это был и способ обратить внимание на собственное, авторское, присутствие в поэме, и в то же время – обезоруживающая критика.

Однако даже со всеми своими натуралистическими подробностями «Кентерберийские рассказы» не являются реалистическим повествованием в современном понимании. Они перегружены всевозможными риторическими и стилистическими ухищрениями и так же мало походят на современный роман, как Уэллский собор – на многоэтажный жилой дом. Он прибегает к приемам *exclamatio*, *interrogatio* и *interpretatio*², даже когда заглядывает в глубочайшие человеческие тайны. Все персонажи здесь тщательно продуманы, изображены живо и смело; однако их сила проистекает из их формального статуса: ведь они суть типажи, или символы, средневекового мира. Они напоминают персонажей мистерий или карнавалных действ – тогдашних уличных постановок для увеселения народа. Поэма открывается рассказом Рыцаря не случайно – в его образе прославляются воинские доблести героев, в чьих глазах главным делом является война. Точно так же Чосер определяет основные «сословия» королевства: это те, кто воюет, кто молится и кто трудится. Каждый из его паломников – не только личность, а еще и аллегория. Пускай Монах – «лицом упитанный, румяный»³, но он олицетворяет и алчность, и порочность Церкви. Батская Ткачиха – видная матрона в теле, но она же олицетворяет ту порочность всего женского пола, начало которой положило слушание Евы в Эдемском саду.

Таким образом, «Кентерберийские рассказы» – поэма, объединяющая совершенно разноплановые повествования. «Общий пролог» и двадцать четыре отдельных рассказа охва-

² Восклицание, вопрошание и толкование (*лат.*).

³ Из «Общего пролога». Перевод И. Кашкина. (Здесь и далее цитаты приводятся по изд.: Чосер Джеффри. Кентерберийские рассказы. М., «Грантъ», 1996).

тывают все мыслимые жанры – от проповеди до фарса, от церковного жития до басни о животных, от героического эпоса до беспардонной пародии. Ее двадцать восемь персонажей являют собой целую галерею человеческих типов XIV века, полную мешанину тогдашних ремесел и профессий. К тому же открытая форма поэмы позволяла Чосеру прибегать к разнообразным стилям тогдашней эпохи – от возвышенных песнопений до уличного просторечия. Вся поэма строится на контрастах: духовное сталкивается с мирским, благочестие с шутством и похабщиной. Поэтому возвышенный слог первой истории – «Рассказа Рыцаря» – сменяется беззастенчивым плотским юмором в «Рассказе Мельника». А «Рассказ Мельника», в свой черед, пародируется в «Рассказе Мажордома», где описывается история о том, как наставили рога мельнику; вслед за этим идет небольшой отрывок из «Рассказа Повара»: там речь идет о подмастерье и проститутке. Таким образом, эта группа из четырех рассказов демонстрирует своего рода шкалу радостей любви, где показан переход от благородной рыцарской романтики до низменных удовольствий городской бедноты. Пускай Повар не столь искушен в риторике, как Рыцарь, зато он передает куда более обширную – а может быть, и более богатую – традицию. Откровенный натурализм поэмы – прямое следствие ее разнообразия; из противоположностей проистекает энергия. Контраст порождает красоту.

Часто отмечалось, что в поэме не говорится о событиях той эпохи, в которую она создавалась; Черная Смерть и Крестьянское восстание, очевидцем которых являлся Чосер, упоминаются один-единственный раз на протяжении всех «Кентерберийских рассказов». Но Чосер рассматривает окружающий его мир под другим углом зрения. Листая страницы поэмы, можно получить представление о средневековой жизни, какой она виделась тогда. Его паломники – в каком-то смысле карикатуры, зато они позволяют подсмотреть очень многое из тогдашней повседневной действительности: вот Повар, который соусом из петрушки старается забить привкус протухшего мяса; вот Мельник, привычно и бесстыдно злоупотребляющий своей монополией во всей округе; вот Мажордом, который как может надувает хозяина поместья. Мы замечаем тут и невольные намеки на женоненавистничество, и столь же безотчетные проявления антисемитизма. Все эти черты были так же типичны для эпохи Средневековья, как и частые обращения к Деве Марии, и постоянное упоминание имени Христа.

Пока Джеффри Чосер работал над своей длинной поэмой, его собственная жизнь в этом мире шла своим чередом. Последние десять лет он состоял на королевской службе, а в 1394 году Ричард II назначил ему ежегодное пособие в 20 фунтов. В 1398-м ему выдали «охранную грамоту» для исполнения одного «тяжелого и срочного поручения» короля. В том же году он покинул Кент и возвратился в Лондон – говоря точнее, в Вестминстер. В 1399 году он получил в аренду на 53 года жилье при аббатстве, в садах капеллы Девы Марии. Ему было уже около шестидесяти – весьма почтенный возраст для той эпохи, когда повальные эпидемии и хронические заболевания были самым обычным делом.

Причина смерти Чосера, впрочем, неизвестна. Известно лишь, что он скончался в чумной год; датой его смерти обычно называют 25 октября 1400 года. Именно эта дата высечена на его могильном памятнике, который установили лишь сто пятьдесят лет спустя. Погребен Чосер в самом Вестминстерском аббатстве. Теперь его прах покоится в Уголке Поэтов, но в ту пору его могила оказалась в неприметном месте, где обычно хоронили монастырских служителей. Чосер похоронен в аббатстве вовсе не из-за того, что был великим поэтом, а лишь в знак признания его в должности королевского слуги.

Однако поэзия его не была предана забвению. Сохранилось больше восьмидесяти рукописей длиннейшей поэмы Чосера, которые были собраны воедино только после смерти поэта. Уже само это количество свидетельствует о необычайной популярности «Кентерберийских рассказов» в первые годы XV века. В них сразу увидели великое произведение лите-

ратуры. Уильям Кэкстон именовал Чосера «почтеннейшим отцом нашей английской речи». Джон Драйден тоже называл его «Отцом английской поэзии».

Зачем нам читать «Кентерберийские рассказы» сегодня? Самый прямой ответ – самый очевидный: это одна из величайших поэм во всей английской литературе, это творение, которому суждено жить, пока существует сам английский язык. И еще – это одно из самых изобретательных изложений мыслей и чувств средневекового человека, столь же богатое и сложное, как каменная кладка тогдашних соборов. Эта поэма является высшим достижением культуры, вобравшей в себя черты англосаксонского – а также средневекового – мира. К тому же в ней проступили черты общеевропейского менталитета – ведь в широкое полотно английского повествования вплелись важнейшие мотивы французской и итальянской литературы.

И в этом смысле поэма Чосера – еще и первая победа народной речи в эпоху, когда английский наконец-то признали официальным языком страны. Это эквивалент Дантовой «Божественной комедии», в которой воплотилась вся народная мощь итальянского языка. И все же различия между этими двумя поэмами поучительны. «Кентерберийские рассказы» – это парадигма исключительно английского склада ума, которая, вобрав в себя весь диапазон интонаций и стилей языка, позволила поэту легко переходить от самого утонченного к самому низменному. В некоторых отношениях Чосера можно назвать отцом английского юмора; так, например, созданные им портреты Батской Ткачихи и Пристава церковного суда явно повлияли на таких разных писателей, как Филдинг и Диккенс.

«Кентерберийские рассказы» балансируют между благочестием и фарсом, между высоким и низким стилем, что легко вмещает в себя этот гибкий и плавный язык, рождающийся, похоже, без малейших усилий. Чосер смешивает священное с мирским, романтику с обыденностью и между делом воспроизводит грандиозную драму человеческого духа. Последующие поколения поэтов будут сравнивать эту поэму с источником – вечно свежим и вечно обновляемым: а Эдмунд Спенсер⁴ молил:

О, если б на меня хоть капля пролилась
Из родника, что бил в главе его ученой!

Итак, можно сказать, что Чосер стоял во главе, или у истоков, великой английской традиции. Г. К. Честертон однажды написал, что ему кажется удивительным, «как это Чосер оказался столь безошибочно английским писателем в те времена, когда и Англии-то еще почти не существовало в природе». Но, пожалуй, не так уж это и удивительно, раз речь идет о поэте, сумевшем определить или обобщить сам английский дух, о поэте, наделенном личной скромностью и широтой чувства, уважением к традиции и разносторонней изобретательностью. Перевод «Кентерберийских рассказов» на современный английский – это еще один способ доказать ведущую роль и бессмертие этой поэмы. Она способна рождаться вновь в каждом новом поколении.

---

⁴ Эдмунд Спенсер (ок. 1552–1599) – выдающийся английский поэт эпохи Возрождения, старший современник У. Шекспира.

Замечания к тексту

Законов перевода не существует. Нет и безусловных правил. За много веков предложено немало различных теорий перевода, но они имеют лишь ограниченную ценность. Кто может заранее решить, как именно следует перевести то или иное слово, как лучше всего передать смысл той или иной фразы? Если говорить о «Кентерберийских рассказах», то можно было бы последовать примеру Джона Драйдена, чей изобретательный и цветистый перевод «Рассказа Рыцаря» превратил эту поэму в настоящий конспект всего героического эпоса конца XVII века, выполненный рифмованными двустопными стихами. Его вольный перевод был одним из лучших. Или, напротив, можно было бы взять за образец более строгий и верный оригиналу полный перевод «Кентерберийских рассказов» Невилла Когилла; он был впервые опубликован в 1951 году и с тех пор остается лучшим стихотворным переводом этой поэмы на современный английский язык.

Но я предпочел пойти собственным путем. Ведь перевод способен стать формой укрепления – выпуская старинное сочинение на волю, в современный мир, можно вдохнуть в него новую жизнь. В течение веков «Кентерберийские рассказы» многократно по-разному толковались, да и переписывали их заново. Это пробный камень для всей английской словесности, а значит, к ним можно возвращаться и заново определять их место, по мере того как изменяются обстоятельства и культурные нормы. Поэтому я считал, что лучше всего справлюсь со своей задачей, если последую примеру самого Чосера, чей перевод части «Романа о Розе» (это лишь один из многочисленных примеров) оставался верен духу, пусть и не всегда букве, великого подлинника. По-видимому, он руководствовался в своей работе принципом вдохновенной импровизации, почитая единственным мерилем правды лишь собственный здравый смысл. Порой он близко следует оригиналу, а иной раз предлагает собственное, более ловкое, толкование, чтобы избежать нескладности в сомнительных местах. Он также вставляет кое-где замечания «в сторону» и комичные ремарки, желая таким образом приблизить читателя к жизненной сути французской поэмы. Он наделил «Роман о Розе» всей силой образного строя XIV века.

Разумеется, я писал прозу, а не стихи. Это обескураживающая, но вместе с тем и необходимая уступка современному миру, не терпящему длинных поэм. Однако переход от поэзии к прозе не столь уж пагубен. Ведь и прозаическим текстом можно передать некоторые черты, свойственные поэзии; можно и косвенно, даже почти подсознательно, вторить благозвучию и гармонии чосеровского стиха. Так, например, Аббатиса, прежде чем начать свой рассказ для пилигримов, просит божественной помощи:

*My konnyng is so wayk, O blistful Queene,
For to declare thy grete worthynesse
That I ne may the weighte nat susteene;
But as a child of twelf month oold, or lesse,
That kan unnethes any word expresse,
Right so fare I, and therefore I yow preye,
Gydeh my song that I shal of yow seye⁵.*

В своем переводе я передаю ее молитву так:

---

⁵ Царица благодатная! Я так слаба, и знания мои нехватают; нести сей груз я не могу никак; но вроде годовалого дитяти, которое едва лепечет: «Мати!» — Вот так и я — стихи сказать спешу и в этом помощи твоей прошу. (Перевод Т. Поповой.)

Моя ученость и мои знания столь слабы, о Пресвятая Дева, что я не в силах живописать твое милосердие и твою любовь. Твой свет слишком ярок для меня. Я припадаю к тебе, как малое дитя, которое едва умеет говорить. Составь же в стройный ряд мои бессвязные слова, которые я стану возносить во славу Тебе. Направь мою песнь.

Язык средневекового благочестия давно ушел в прошлое, но в поисках эквивалента я, возможно, сохранил здесь кое-что от поэзии подлинника. По крайней мере, к такой цели я стремился.

Разумеется, поэзия Чосера отнюдь не всегда проникнута набожным духом. «Кентерберийские рассказы», пожалуй, и прославились-то прежде всего своим соленым юмором, порой граничащим с откровенным похабством. Современный переводчик может сохранить скабресный дух оригинала, просто тщательно переписывая собственные слова Чосера. Язык секса, в отличие от языка молитвы, не так сильно изменился за прошедшие века. К тому же Чосера справедливо хвалят за прямоту и свежесть просторечного стиля. Он вполне поддается переводу. Вот один характерный отрывок из «Рассказа Монастырского капеллана», где повествуется о приключениях петуха по прозвищу Шантиклер:

*And with that word he fley down fro the beam,
Fo r it was day, and eke his hennes alle,
And with a chuk he gan hem for to calle,
Fo r he hadde founde a corn, lay in the yerd.
Real he was, he was namoore aferd.
He fethered Pertelote twenty tyme,
And trad hire eke as ofte, er it was pryme.
He looketh as it were a grym leoun,
And on his toos he rometh up and down;
Hym deigned nat to sette his foot to grounde⁶.*

Я перевел это так:

Сказав это, он слетел с жерди во двор. Светало. Квохча и кукарекая, он перебудил всех своих жен, чтобы полакомиться зерном, разбросанным по земле. Он был отважен. Он смотрелся владыкой двора. Он обнял крыльями Пертелот и овладел ею раз двадцать, не меньше, прежде чем солнце успело подняться повыше. Он походил на могучего льва. Он не семеня по двору, как обычная птица. Он важно расхаживал на цыпочках, словно собирался вспорхнуть ввысь.

Современный читатель, сопоставляя этот текст с подлинником Чосера, может не уловить, что «*real*» – это «*royal*» («королевский»), а «*trad*» («потоптал») – это эвфемизм для совокупления. Значение слова «*pryme*» – 6 часов утра – тоже, пожалуй, не столь очевидно. Необычность многих чосеровских выражений не собьет с толку филолога, но, безусловно, смутит или даже отпугнет рядового читателя. Есть тут и другие, более общие черты Средневековья, теперь уже безвозвратно утраченные. Подлинное благочестие той эпохи, наряду с ее страстью к пространным поучениям, отразилось в двух – самых длинных – рассказах

---

⁶ Тут соскочил петух с своей насести, и все супруги с ним спорхнули вместе. И, чтоб не разбредались далеко, он начал звать хрипучим ко-ко-ко... Он выступал с осанкой горделивой, звал Пертелот к себе нетерпеливо, и в шею ласково ее клевал, и раз до двадцати пяти топтал. Топорщил гриву, как свирепый лев, и кукарекал, надрывая зев. И, пыжась, он ходил лишь на когтях, чтоб пяток не коснулись грязь и прах. (Перевод И. Кашкина.)

Чосеровой поэмы. «Рассказ о Мелибее» и «Рассказ Священника» – это типично средневековые истории благочестивого содержания: первый представляет собой назидательный трактат о ценности терпения, а второй – затянутую проповедь о покаянии и о семи смертных грехах. Я не стал включать их сюда, полагая, что их отсутствие ни у кого не вызовет сожалений. «Рассказ Священника» замыкает собой «Кентерберийские рассказы», но, поместив «Молитву Чосера» непосредственно после «Пролога Священника», я попытался таким образом создать собственный вариант подходящей концовки.

Я полагал, что моя задача заключается главным образом в том, чтобы облегчить восприятие поэмы, устранить явные препятствия к пониманию смысла, которые мешали бы в полной мере наслаждаться этими рассказами, и я попытался всевозможными средствами выразить и донести до читателя истинную суть подлинника. Надеюсь, мне удалось достичь поставленной цели.

Питер Акройд

Кентерберийские рассказы

Общий пролог

Здесь начинается Книга Кентерберийских рассказов

Когда мягкие, нежные апрельские ливни орошают корни всего живого, освежая пере-сохшую землю, питая каждый саженец и каждый сеянец, тогда и род человеческий пробуждается с радостью и надеждой. Западный ветер выдувает из города все зловоние, а за городскими стенами в полях возрастают посевы. Как приятно после напрасной зимней поры вновь услышать на улице птичий гомон! Даже деревья – и те будто купаются в пении. Наступила пора обновления, пора общего выздоровления. Солнце уже наполовину прошло через созвездие Овна – такое время благоприятно для сухожилий и для сердца. Эта часть года – самая благоприятная для путешественников. Потому-то честной народ так и рвется пуститься в паломничество. Пилигримы отправляются к дальним берегам, в чужие города, стремясь припасть к благодатным мощам и святыням. А у нас, в Англии, многие совершают паломничество в Кентербери, к усыпальнице святого и блаженного мученика Фомы. Они стекаются туда из всех графств, чтобы исцелиться от недугов и обрести успокоение.

Так случилось, что в апреле я оказался в Саутурке. Я остановился там в харчевне «Табард» и оттуда собирался отправиться в Кентербери, чтобы поклониться останкам святого. Однажды вечером в гостинице появилось еще двадцать девять путников – и, к моей великой радости, все они тоже оказались паломниками, направлявшимися в Кентербери. Они приехали из самых разных мест, и жизненные пути у них были разные, но цель сейчас у всех была одна. Гостиница была просторна и удобна, там каждому нашлось местечко, и вскоре мы все сдружились между собой. Мы вместе пили эль и вино и договорились, что в путь отправимся тоже вместе. Как это должно быть забавно – дружно ехать в такой веселой компании! Перед заходом солнца мы условились, что соберемся на рассвете следующего дня и отправимся в путь по паломнической дороге.

Однако, пока наше путешествие еще не началось, я хочу представить вам всех, кто составил нашу компанию. Если я опишу их звания и внешность, то, пожалуй, вы будете иметь какое-то представление и об их характерах. Ведь платье и общественное положение зачастую указывают на внутренние качества человека. Начну я с Рыцаря.

РЫЦАРЬ, как вы сами, наверное, догадываетесь, был человеком состоятельным и мужественным. С самого начала своего воинского поприща он сражался за правду и честь, за свободу и достоинство. Он выказал доблесть во многих землях; он побывал повсюду: и в христианском мире, и в басурманских странах, – и всюду его восхваляли за храбрость в бою. Он воевал в Александрии, когда этот город отбивали у турок; снискал высшие почести у всех рыцарей Пруссии; участвовал в набегах на Русь и на Литву. Он отличился в Гранаде, в Марокко и в Турции. Где он только не побывал в своих странствиях, где только не одерживал побед! Он сражался на пятнадцати войнах, бился на трех турнирах. Однако все эти подвиги совершал он не из тщеславия, а из любви к Христу. Его меч направляло благочестие. Себя он почитал лишь орудием Господа.

Потому-то, несмотря на свою славу бесстрашного храбреца, он оставался скромным и благоразумным. Мягкостью манер он походил скорее на девицу, никогда не божился и не сквернословил. Никогда никому не дерзил, не разговаривал свысока. То был сам цвет рыцар-

ства, раскрывшийся в вешнюю пору года; то был истинный благородный герой. Видите, каков он собой? На нем были не латы, не броня, а плащ из грубой ткани, подобающий скорее монаху, нежели солдату; плащ совсем побурел от ржавчины – ведь рыцарь долго носил его под кольчугой. Ехал он на добром коне, но и тот не был увешан нарядными колокольцами или дорогими попонами. Это был конь, какой и положен простому пилигриму. Рыцарь поведал мне, что недавно вернулся из похода, чтобы вновь принести обет верности. Потом он стал спрашивать обо мне – откуда я сам и в каких краях бывал, – но я быстренько перевел разговор на другую тему.

С ним вместе путешествовал его сын, молодой СКВАЙР, оруженосец, крепкий и бодрый юноша, тоже мечтавший сделаться рыцарем. Росту он был среднего, зато силен и подвижен. Говорят, будто по волосам можно судить о здоровье человека; чем он мужественнее, тем гуще у него волосы. У сквайра плотные светлые кудри ниспадали на шею и рассыпались по плечам. Лет ему было около двадцати, а он уже успел поучаствовать в конных походах в Северной Франции. Там за короткое время он заслужил уважение своих товарищей, хотя на самом деле юноша мечтал произвести благоприятное впечатление на одну прекрасную даму. Я так и не узнал ее имени. Плащ сквайра был расшит цветами – белыми, красными и синими; казалось, на плечи себе он накинул целый цветущий луг. Он носил короткий камзол с широкими рукавами, подобавший людям его звания. Он отлично ездил верхом – легко и ловко, как прирожденный наездник. И всегда пел или играл на флейте. Он сочинял песни, а еще, как я узнал, умел биться на турнирах, писать, рисовать и танцевать. Все тонкости человеческого обхождения давались ему сами собой. Вокруг него всегда словно царил месяц май. У него имелась веская причина для приподнятого настроения: он был так страстно влюблен, что едва ли спал по ночам; он почти не смыкал глаз, словно соловей. Но при этом он никогда не забывал о хороших манерах. Его обучили всем правилам вежливого поведения, и за столом он любезно разрезал мясо для своего отца. Разговаривая со мной, он снимал шляпу; он не смотрел в землю, а глядел прямо мне в глаза, не размахивал руками и не шаркал ногами. Вот поистине хорошие манеры.

С Рыцарем ехал всего один слуга, ЙОМЕН, одетый, как и положено, в плащ зеленого сукна с капюшоном. Зеленый цвет символизирует преданность и служение.

К поясу у него был приторочен пучок стрел – острых и блестящих, изящно оперенных павлиньими перьями, а в руке он держал лук. Он умело ухаживал за своим снаряжением: оперение было опрятным, стрелы метко били в цель. Волосы его были коротко острижены, а смуглое лицо походило на копченый окорок. На правом боку у него был меч и небольшой щит, а руку защищала блестящая гарда. На левом боку он носил зачехленный кинжал с богато украшенной рукоятью и острейшим лезвием. То был молодой человек, в любой миг готовый к битве. Но на его плаще поблескивал серебряный значок с образом святого Христофора – покровителя странников и лучников. Я догадался, что этот йомен, когда не носил воинского облачения, служил лесничим в поместьях Рыцаря. У его бедра с широкого зеленого пояса свисал охотничий рожок. «Я часто видел такие рожки в лесах и пущах», – сказал я ему. «Да, – ответил он, – мы трубим в них, чтобы поднять оленя». И поскакал прочь. Он не был охоч до болтовни.

Впереди него, конечно, ехала АББАТИСА. Это была образцовая монахиня, не кичившаяся чрезмерной набожностью. Она была скромна и дружелюбна и во время нашего путешествия то и дело поминала святого Элигия; поскольку этот святой считается покровителем лошадей и кузнецов, она, призывая его, должно быть, желала нам всем доброго пути и отменной скорости. Пожалуй, стоило спросить ее об этом. Звали ее мадам Эглантина, она благоухала розой эглантерией или жимолостью. Она превосходным голосом напевала молитвы, выразительно и звучно произнося слова божественной литургии. По-французски она гово-